

ММБУК «Жиздринская РЦБС»

Воспоминания жителей Жиздринского района о Великой Отечественной войне на территории нашего края

2020 год

Из воспоминаний Алёшкиной Валентины Михайловны (жительницы д. Мужитино)

«В начале войны 1941-1945 гг. моей матери, Минаковой (Клаченковой) Пелагее Ефимовне, было 27 лет. По рассказам матери жили они в то время в посёлке Грамотино (недалеко от д. Мужитино). Родители мамы, мои бабушка и дедушка, помогали партизанам в снабжении их хлебом, картошкой и другими продуктами. Нашлись предатели, которые доложили фашистам о связи жителей посёлка с партизанами.

Мама рассказывала о зверской расправе, которую учинили немецкие изверги над мирными жителями. До самой смерти она вспоминала, плакала, не могла забыть то страшное время. После долгих пыток, не узнав ничего о нахождении партизан, фашисты бросили в колодец родителей моей матери и еще некоторых жителей.

Трагедия в посёлке Грамотино потрясла людей всей округи. Многие жители посёлка, опасаясь за жизнь своих детей, уходили в лес. Колодец впоследствии был закопан, и на этом месте поставлен крест. В настоящее время местонахождение могилы неизвестно».

Из воспоминаний Внученкова Федора Гавриловича (жителя г. Жиздра)

«1 октября 1941 года истребительный батальон, вооруженный винтовками, наганами, гранатами и пулеметом был направлен на окраину деревни Будылевка, где мы сидели в засаде. Со стороны Букани ожидали появления отряда мотоциклистов. Но фашисты не появились. 5 октября, днем, нас отозвали, и мы возвращались в Жиздру. В 17 часов мы вдруг увидели, что на главную улицу по улице Пушкина со стороны деревни Мужитино въезжает немецкий танк. Мы его обстреляли из пулемета. Танк проехал до центра, пострелял по улицам и повернул обратно.

Наш отряд прибыл в районный отдел милиции, который располагался в центре города, где сейчас находится рынок. Оттуда мы быстрым шагом пошли по улице Кирова к старой базарной площади. В это время по этой же улице по другой стороне в метрах 150 от нас ехал верхом на лошади начальник районного отдела милиции Петрунин. Вдруг к нему подъехал офицер в форме РККА и вручил ему пакет. Когда Петрунин вскрывал пакет, офицер застрелил его из пистолета. В форме офицера был немецкий диверсант. Мы побежали к базару, где нас ожидала грузовая машина, в которой были еще люди. Мы поехали в лес за Зикеево на базу, где должен был формироваться партизанский отряд, костяк которого должны были составить мы. Все было подготовлено к партизанской борьбе. Но на пути к Зикееву нас остановили и вручили депешу из Ельца. Нам было приказано явиться в Елец, куда мы и отправились».

**Из воспоминаний
Гришина Николая Александровича
(жителя д. Улемец)**

«Это было в 1941 году на опушке леса в урочище «Борисова горка». Я вместе со своим другом Варламовым Алексеем Васильевичем пошел в лес за земляникой. Было нам по 10 лет. Когда мы, возвращаясь домой, стали выходить из леса, то вдруг увидели немецкого офицера и с ним двух солдат. Конвоиры вели советских военнопленных, среди них была молодая девушка. Мы испугались и спрятались в кусты, откуда наблюдали за происходящим.

Немцы заставили военнопленных копать яму. Когда яма была выкопана, конвоир поставил трех из них на край этой ямы. Девушка успела только крикнуть: «За Родину! За Сталина!». Ее фашисты застрелили первой, потом застрелили еще двух мужчин. Немцы столкнули убитых в эту яму. Военнопленным велели их закопать, после чего оставшихся солдат отвели в лагерь, который находился в деревне. Я хорошо помню это место до сих пор».

Из воспоминаний Громовой Пелагеи Федоровны (жительницы с. Полюдово)

«В нашей крестьянской семье было пятеро детей. В 1941 году отца забрали на войну, дома осталась одна мать с детьми. Было очень тяжело, нечем было кормить детей. Осенью 1941 года село Полюдово было оккупировано немцами. Они сразу установили свой порядок. В начале января 1942 года в село пришли наши войска, она находились здесь до середины января 1942 года. Затем в село опять пришли немцы и наши войска отступили. Деревня наполовину была сожжена. Немцы заставляли всех жителей работать на себя, в том числе и малолетних детей.

15 июля 1943 года жителей села погнали в Германию. Довезли нас до станции Березовский, там погрузили в вагоны. Жители села попали в лагерь в городе Борисове Минской области. В изгнании мы пробыли год, а 15 июля 1944 года вернулись на Родину. От села ничего не осталось, все было сожжено. Люди, вернувшиеся из неволи стали жить в бункерах и землянках. Мать растила нас одна, продавала даже свою одежду, чтобы достать хотя бы хлеба».

Из воспоминаний Дюковой Ксении Ильиничны (жительницы д. Акимовка)

«Мне было 11 лет, когда к нам пришли немцы. Когда по улице шла техника, мы побежали смотреть на нее. Потом меня сильно ругала моя мама. Немцы расселялись по нашим домам. Нас сгоняли в один дом по несколько семей. В нашем доме тоже поселились немцы. Нас заставляли стирать, убираться, готовить им еду.

Помню, как-то ночью к нам в окно постучали. Моя мать очень сильно испугалась. Это оказались наши разведчики. Мама боялась их впускать, ведь если узнают немцы, то расстреляют всю семью. Но все же она ихпустила, накормила. Их было четыре человека. Самый старший из них попросил, чтобы мать привела к ним старосту и полицая. Когда пришел староста, они очень долго беседовали, я не слышала о чем. Разведчики остались на ночь у нас.

Наутро стали ходить немцы по дворам и забирать птицу. К нам прибежала девочка, дочь старосты, и сказала, чтобы наши уходили. Староста вывел их за деревню огородами. Потом они еще раз приходили ночью. Мать очень сильно боялась, что узнают немцы.

Вскоре начали бомбить Акимовку. Когда начиналась бомбёжка, мать выводила нас на огород, расстилала тряпку, чтобы мы ложились. Взрывы не утихали, и она нас уводила дальше.

Однажды, когда мы вернулись на старое место, то увидели большую яму от взрыва. Очень было страшно. Снаряды попадали в дома, гибли мирные жители. Затем нас стали собирать и угонять в неволю. Большой

жестокости немцев к нам, жителям, не было, может потому, что у нас не было рядом партизан. У нас не было такого, чтобы кого-нибудь расстреляли перед всеми жителями».

Из воспоминаний Егорычевой Прасковьи Никитичны (жительницы г. Жиздра)

«Партизанский отряд Д.И. Медведева вышел из лесного массива д. Лукавец и дошел до Перекладова... Это место находится в трех-четыре километрах южнее совхоза «Коллективизатор», партизаны услышали топот лошади, остановились.

Член отряда И.С. Егорычев, остановив лошадь, подошел к ездovому, тот оказался хорошо ему знакомым конюхом лесхоза. Конюх пообещал помочь партизанам и подвезти их до первого поста в Жиздре (он находился возле старгородского моста, около пекарни). Часть сена, предназначенного для немецких лошадей, была сброшена. На сани залегли автоматчики Михаил Ерофеев, Иван Егорычев и Наполеон Саркосян. Старик прикрыл их сеном, остальные шли сзади. Не доходя до пекарни, бойцы остановились, а извозчик с бойцами, спрятавшимися в сене, двинулся к мосту.

Не доезжая метров 100-150, услышали окрик часовых. Конюх ответил, что везет сено. Послышалось недовольное ворчанье и голос полицейского: «Проезжай, старая кляча. Таскаешься тут ночами».

Подъехав к часовому, лошадь как бы замешкалась, бойцы дружно соскочили с повозки и скрутили полицейских. Подошел взвод. Посоветовались. Обстановка была благоприятной для налета на немецкую комендатуру, в которой уже отсутствовала связь.

Партизаны захватили комендатуру, уничтожив дежурных полицейских и немцев. Не теряя ни одной минуты, они начали вынимать документы, грузить сейфы. На шум и выстрелы к комендатуре подъехал начальник

Жиздринской полиции, который был убит. Лошадь полица и коней, взятых из пожарной части, загрузили мукой. Часть отряда уехала в лагерь.

Остальные воины продолжили выполнять боевую операцию, во время которой сожгли в Жиздре нефтебазу, лесопильный завод и только после этого отправились в отряд».

Из воспоминаний Зубаревой Ирины Степановны (жительницы п. Овсорокской)

«В конце января 1942 года советские войска временно отступили из села Полюдово. Отступая, они заминировали дороги около поселка Овсорокской. Из-за этого погибло очень много немцев. Разъяренные фашисты заняли наш поселок, жестоко расправились с мирным населением. Стариков и подростков собрали вместе и отправили на мины. В результате восемь человек погибло, среди которых был и мой дедушка. Стояла лютая зима. Большинство семей выгоняли из домов. Нашу семью приютила мамина сестра, которая жила в деревне Великое Поле, где мы и жили до 1943 года. А в нашем доме немцы разместили свой штаб и никому туда близко подойти не разрешали. Летом 1943 года уже чувствовалось, что немцы проигрывают войну. Они стали вести себя более жестоко. Стали угонять местных жителей в Германию. Жители часто целыми семьями уходили в соседний лес прятаться, а домой приходили только на ночь. Людей, которые попадались немцам на глаза, они угоняли целыми семьями в рабство. В один из вечеров по поселку была слышна грубая немецкая речь. Фашисты обнаружили несколько семей, в том числе и нашу. В сумерках всех погнали пешком на станцию Зикеево. Нас поместили в товарный вагон и повезли. Люди плакали, уезжая со своей малой родины в неизвестность. Впереди нас ждал настоящий ад за колючей проволокой немецкого концлагеря...».

Из воспоминаний **Крючкова Виктора Борисовича**

(во время войны проживал в
д. Яровщина)

«Население д. Яровщина и близлежащих деревень подвергалось беспощадным репрессиям. Любой немецкий солдат мог расстрелять всякого подозрительного человека даже без повода. Так, в 1941 году в д. Яровщина немцы расстреляли малоумного юродивого Васю Ганина, который грозил кулаком немцам.

В д. Орля, «хозяин» конюшни – немец, расстрелял конюха Степана Ильича Хамова в присутствии его пятерых детей: четырех девочек – Тани, Раи, Лиды, Анны и одного мальчика – Саши. Старшей дочери тогда исполнилось 13 лет, младшей – 2 годика. Причиной расстрела стала просьба Степана к «хозяину» дать ему лошадь, чтобы он мог съездить в г. Жиздру купить одежду и обувь для детишек.

Очевидец этого, Никита Иванович Рабенков, рассказывал: "Я увидел, как в глазах Степана блеснули слезы, бросив под ноги немца вожжи, он бегом направился к своему дому. С наступлением сумерек немец, с винтовкой в руках, явился в дом Степана. Не дав одеться, стал выталкивать Степана за дверь, вслед за отцом стал выталкивать за дверь обезумевших детишек. Под дулом винтовки погнал на Коршевский луг и там, на глазах у детей, расстрелял отца».

Из воспоминаний Левашовой Александры Николаевны (жительницы с. Полюдово)

«Что я помню об одиннадцати воинах, захороненных у нас на кладбище? Да немного. Имен, фамилий их никто не знает. Скорее всего, были военнопленными, т.к. в районе Барсуков было что-то вроде лагеря, охранялось это место. Были они расстреляны, но хоронить на кладбище не давали – хоронили там немцы только своих, все минировали. Мирные жители подрывались на этих минах.

Похоронили солдат как раз в овражке, нынешнее место за автобусной остановкой, но были они там не одни, были еще мирные жители, кто подорвался на mine, кого расстреляли ни за что. Столько смертей было, трудно все запомнить. Кого находили родственники, того они и хоронили, если позволяли, а остальных в так называемую братскую могилу в овражек. Перезахоронили их в 1952 году. И пусть солдатики неизвестны, но лежат же они в нашей Полюдовской земле уже сколько лет, свои они, родненькие.

Про Макаровых могу рассказать следующее. Макарова Елена Лукьяновна и Макарова Мария Степановна – мать и дочь. Жили в Полюдове. Пошли из дома побираться в лесхоз, теперь это 10-й километр, за вещами. Немцы шли по лесной дорожке навстречу. Не выслушав никаких объяснений, расстреляли, приняв за партизанских связных. Как же они боялись партизан, что в каждом встречном они немцам мерещились. Нашли их возле дубка, обняли несчастные руками дерево, так возле него и лежали, не разжав руки».

Из воспоминаний Мартыновой Анны Семёновны (жительницы д. Акимовка)

«В войну я не училась. В семье было четверо детей, я самая старшая. Взрослые работали на фашистов. Дети сидели тихо дома. Немцы, пока взрослых не было, обходили каждый двор. Если где слышали голос скотины, то сразу забирали. Мы, по возможности, старались их не пускать к себе на двор, чтоб не услышали нашего поросенка. Я его гладила, закрывала, чтоб только не хрюкал. Было очень страшно.

Жестокость немцев не имела предела. Немцы выгоняли на улицу людей, у которых были дома получше. Женщин заставляли работать. Многие работали в качестве медсестер – перевязывали раненых немцев.

Фашисты боялись русского снега. Они заставляли население чистить снег даже на линии фронта. На улице не должно было быть ни одного сугроба.

Во время бомбежек люди прятались в погребах. Когда выходили, то видели много погибших.

Фашисты не любили маленьких детей. Если малыши мешали своим плачем, то могли ударить.

Немцы расстреливали партийных, мирных жителей угоняли в рабство. Нашу семью тоже. Всю дорогу до Брянска гнали пешком. В скотском вагоне повезли в Белоруссию. По дороге видела, как горели в воздухе самолеты, гибли дети. В лагере были за проволокой. Мама каждый день ходила на работу. Работали на местных. Спали на нарах, на соломе и даже на полу. Еда была плохая. Многие болели и не доживали до освобождения. Об освобождении узнали в лагере. Вернувшись домой, стали восстанавливать все разрушенное».

Из воспоминаний Мазьяновой Марии Сергеевны (жительницы с. Полюдово)

«До войны жизнь была размеренная. Каждая семья была многодетной, наша не была исключением, в ней насчитывалось 9 человек. Жили бедно, но весело. Каждый ребенок имел свои обязанности: кто картошку чистил, кто нянчил младших братьев и сестер. Денег в семьях не было, так как в колхозе зарплату отдавали натуральными продуктами или зерном. Как развивались события дальше – не знаю, если бы не война...

О начале войны узнали по тому, что началась мобилизация мужчин. Осенью 1941 года в село вошел большой отряд полицаев, за ними немцы. Самым страшным тогда всем показалось, как враг забирал у нас все запасы, выгонял из домов. Что ждало нас дальше, мы и представить не могли. Периодически появлялся отряд карателей с Ловати. Выгоняли из хат, били, расстреливали, травили собаками, вешали, забирали из дома и со двора все, что им было нужно.

Брянские леса, как известно, славились партизанами. Поэтому в каждом подростке и немощном старике немцы видели партизана и тут же старались избавиться от него. Зимой 1942 года фашисты расстреляли братьев Шутовых, якобы за связь с партизанами. Двое мальчиков, Саша и Ваня Шутовы, 15 и 13 лет, побирались по деревням. На старшем была надета военная гимнастерка, и немцы решили, что это партизаны. Братьев пытали. Одному из братьев нанесли 12 ножевых ранений на глазах у другого, а затем застрелили второго. Жители нашли тела мальчиков только весной 1943 года и захоронили на кладбище в д. Щигры. Рыдали все, от мала до велика.

Сегодня могила обозначена памятной плитой. Эти ребята навсегда у меня в памяти.

Когда немцы начали отступать, нас погнали на запад. До Брянска 60 км шли пешком под вооруженным конвоем. В Брянске нас посадили на открытые платформы и в вагоны без крыш и повезли в Германию. Освободили нас в 1945 году. С нетерпением ждали возвращения домой. Прибыв в Брянск, долго ждали, не зная, как добираться до дома. Как-то добрались до Зикеева, а оттуда брат Михаил пешком ходил до д. Щигры. Нашел отца, который приехал за нами на лошади. Как же мы рады были встрече, все плакали от радости.

Потихоньку начали восстанавливать хозяйство, ведь деревня была сожжена. Даже дети помогали взрослым. Потом была школа, в которой после войны училось около 330 учеников. Конечно, жизнь была трудной. Но родители старались никогда не пасовать перед трудностями послевоенной жизни, учили нас быть оптимистами, не отчаиваться, трудиться. Мне по ночам часто снились кошмары. Да и сейчас такое бывает. Видно, не стираются из памяти человеческой некоторые моменты жизни. Это очень тяжело. Несмотря ни на что, я благодарна судьбе. Пусть больше не будет войны. Дай Бог, чтобы еще раз не пережить такое».

Из воспоминаний Михалевой Валентины Николаевны

(жительницы г. Жиздра)

«В Жиздре оккупанты установили свой «новый прядок». Главным учреждением была немецкая комендатура во главе с комендантом. Учредили русскую городскую управу во главе с бургомистром.

Для населения была введена трудовая повинность. Молодежь, трудоспособное население ходили с лопатами: весной расчищали снег, летом рыли кюветы у дорог. Их гоняли под конвоем в сторону фронта. Его линия была в 12-15 км от Жиздры.

Жителям выдали удостоверения личности. Молодежь была под постоянной угрозой отправки на работу в Германию.

После отступления от Москвы немцы охотились за русскими валенками, снимали их с жителей прямо на улице. Появлялись они в русских белых тулупах. Снимали их, видно, с убитых или пленных. Отбирали у хозяев свиней, кур, гусей.

Частыми были пожары, так как солдаты не умели топить русские печи.

В Жиздре работала городская мельница. Из деревень привозили молотье зерно. В местной пекарне пекли хлеб с картофелем, который по спискам продавали по 100-150 г. Жители работали на своих огородах. Немногие имели коров. В ходу были оккупационные марки и советские деньги.

На площади у собора Александра Невского с южной стороны, обращенной к реке, оккупанты устроили свое кладбище. Соорудили большой темный крест, который установили на постаменте, где возвышался памятник Ленину. На площади расположились рядами могилы, возле каждой

водрузили березовый крест с указанием воинского звания, имени, фамилии похороненного немца.

Люди ждали освобождения Жиздры... Вот уже освободили областной город Орел. Потом услышали, что освобожден населенный пункт Дудоровск. Это было близко от Жиздры.

В первой декаде августа 1943 года немецкие солдаты начали отступать, по приказу своего командования они стали поджигать каждый дом изнутри.

С приходом Красной Армии жизнь начала возрождаться. Освобождение от гнета захватчиков, торжество, что вражеская армия изгнана, было огромной радостью для людей. Жители, отгороженные, оторванные почти в течение двух лет от мира, начали получать известия от своих родных и близких с фронта, из тыла и в ответ им сообщали о себе.

Но радость освобождения была омрачена варварским уничтожением Жиздры и тем, что большая часть населения была угнана в Германию».

Из воспоминаний Мосенковой Варвары Васильевны (жительницы д. Мужитино)

«Родилась я в д. Мужитино в 1922 году. Семья наша была большая: мать родила 16 детей, 12 из которых были довоенными. Мне было 19 лет, когда немцы пришли в деревню. Они начали селиться по хатам, а нас, мирных жителей, выгоняли в сарай и погреба.

Нас, молодых, заставляли работать на немцев: стирать грязное белье, варить еду. За отказ могли расстрелять. Ночью нельзя было выходить из дома. Помню, как в первые дни оккупации был убит молодой парень за то, что поздно вечером появился на улице.

Мы жили в большом страхе. До жителей деревни доходили слухи о злодеяниях фашистов в д. Дедное, Кулики и других. Меня и моих ровесников немцы заставляли уничтожать всходы картофеля, посаженного жителями деревни.

Шло время. Где-то в начале 1943 года нас стали угонять из деревни. Молодежь везли на лошадях. Обоз охраняли верховые. Мы думали, что везут убивать. Всю дорогу я думала о побеге. В какой-то момент телега наклонилась, а было это вечером, и я слетела на землю. Меня, видимо, не заметили, не могу сейчас вспомнить. Скатилась я с дороги в ров, страшно мне стало. Во рву людей убитых видимо-невидимо. Одумалась чуть, потом побежала до ближайшей деревни. Деревня эта называлась Норино (Брянская область). Приютили меня добрые люди, спрятали к себе в погреб. Не знаю, сколько времени мы там находились. Потом услышали, что пришли русские. Сколько было радости!

Я пошла пешком к своим родным. Кругом летали русские самолеты, низко-низко над землей, по-видимому, искали немцев. Деревня моя почти вся была разрушена, как и город Жиздра. Первое время после освобождения люди жили в землянках, в голоде и холоде, а все равно были рады, что нет войны и проклятых фашистов».

Из воспоминаний Новиковой Марии Егоровны (жительницы д. Мужитино)

«Родилась я в д. Дедное Жиздринского района в 1932 году. Я училась в первом классе, когда пришли немцы в деревню. Я помню, началась бомбежка, прекратились учебные занятия. Мы, дети, с учительницей начальных классов, в страхе начали клеить газеты на оконные стекла.

Немцы расселялись по нашим хатам, а нас отправляли жить за речку. Председателя колхоза Маркелова Кузьму Филипповича немцы повесили в Жиздре за связь с партизанами. Страшно мы были напуганы, когда в деревне фашисты убили отца с сыном.

В нашей деревне во время войны одна семья выхаживала раненого партизана. Вскоре, немного окрепнув, парня решили везти на лошади в д. Кулики. До немцев дошли эти сведения и партизан был убит.

В начале 1943 года немцы чувствовали, что Красная Армия уже где-то рядом. Нас, мирных жителей, погнали из деревни, как скот. Мы издали видели, как горело Дедное. Догнали нас, вернее довели в вагонах для скота, до г. Осиповичи, что на Украине.

Рассказывали, что в городе и по всей Украине, русские обнаружили 120 колодцев, набитых русскими детьми. Это было невыносимо страшно, особенно, когда отнимали детей у родителей. Русские нас освободили вовремя, а то и нам век воли не видать бы было.

Война! Страшное это было время. Не дай Бог никому испытать этой доли - доли, лишенной детства».

Из воспоминаний Орешонковой Веры Трофимовны (жительницы с. Овсорок)

«Самые страшные годы были 1941-1942. Было холодно, голодно. Свирепствовали полицаи. Фашисты беспощадно уничтожали мирное население. Так, 8 января 1942 года, после посещения села Овсорок партизанами, озверевшие фашисты согнали мужское население к зданию магазина. Было расстреляно где-то человек 70 стариков и детей. Целых 2 недели не давали захоронить их тела. Немцы подожгли дома. Фашисты уехали, а село все еще горело...».

Из воспоминаний Петрушкиной Екатерины Николаевны (жительницы д. Младенск)

«На железнодорожной станции Судимир была расквартирована немецкая воинская часть с комендатурой, переводчиками, полицией и управой из числа назначенных фашистами граждан.

При станции Судимир, в вокзальной комнате, где до оккупации находился начальник станции Судимир, разместился прислуживающий немцам старший полицай Логинов Андрей Иванович.

Он был местным жителем. В 1930 году был раскулачен, имущество было конфисковано, а сам скрывался где-то под Москвой. Как только немцы оккупировали территорию Ульяно-Ленинского сельского совета, он сразу появился в родных краях, вступил в жандармерию и стал прислуживать немецким властям. Только он мог приказать помиловать или расстрелять.

Месяц февраль выдался лютым и морозным. В комендатуру, которая размещалась на станции Судимир, вызвали по доносу старосты пятерых молодых мужчин с поселка Егорьевский. Немцам кто-то доложил, что в поселке могли находиться партизаны. Вызвали мужчин якобы для уборки снега на железной дороге. По прибытии их сразу арестовали и посадили в подвал. На следующее утро их вывели за поселок, одному из мужчин было только 17 лет. Их построили в одну шеренгу. Немецкие солдаты, вскинув винтовки, приготовились выстрелить по живым целям.

Семен Калинович Однодворцев снял шапку и крикнул: «За Родину!». Все разом, как на пружинах, прыгнули в сторону немцев. Прозвучали выстрелы, но всех не убили. Тогда началась рукопашная схватка между

русскими и фашистами. Но что они могли сделать против хорошо вооруженных немцев, да еще в глубоком снегу. Тех, кто выжил, немцы добивали штыками.

А.И. Логинов активно участвовал в расстреле мирных жителей. Так, им был безжалостно расстрелян в комендатуре пленный из числа раненых Иващенко, который жил у Марии Ивлевой.

В марте Логинов приехал на лошади к Екатерине Ефимовне Хламкиной, которая до войны работала директором Судимирского молокозавода. Он вспомнил, что она состояла в комитете бедноты и присутствовала при его раскулачивании. Андрей Иванович вывез ее за деревню и расстрелял там. Всего предатель-полицай расстрелял около 300 человек».

Из воспоминаний Силаковой Евдокии Петровны (жительницы д. Акимовка)

«Первые немцы, их было немного, проехали по деревне в сентябре 1941 года. Они направились в сторону Ослинки. Потом они прощупывали местность. А чуть позже к нам в деревню уже шла большая техника. У нас в деревне жили Бардыковы, у них был большой сад. Вот в этом саду немцы и разместили свою технику. Выпиливали деревья. Помню, когда они зашли в деревню, стали разбрасывать конфеты нам, детям, и смеяться.

Немцы стали выгонять местных жителей и занимать их дома. У нас в доме они тоже поселились, но нас не выгнали. Поделили дом на две части, в одной жили немецкие солдаты, а в другой мы с матерью. Мать стирала и готовила немцам. Мне было 14 лет, и я помогала ей по хозяйству.

Немцы начали строить у нас в деревне дорогу, так как она была очень плохая. Они сгоняли на работу местных жителей рыть траншеи. На каждого человека выделяли рыть по 2 метра. Были у нас и старосты, и полицаи из местных жителей мужчин. Помню старосту Савина Антона.

От немцев вначале мы не видели жестокости, может из-за того, что не было у нас партизан. Потому что вокруг деревни не было леса, негде им было прятаться. У нас в деревне была немецкая комендатура, санчасть и немецкие мастерские.

В 1942-1943 гг. начались ожесточенные бои со стороны Букани, Ослинки. Нашу деревню тоже начали бомбить. Снаряды попадали в жилые дома, гибли мирные жители. Было очень страшно. К нам в деревню пригоняли много русских пленных, которых держали в сарае. Их гоняли на

работы: строительство и расчистку дорог. В феврале нас начали угонять из деревни в лагерь...».

Из воспоминаний Хрущевой Варвары Игнатьевны (жительницы д. Акимовка)

«В 1941 году мне было 6 лет. Была осень. Я вместе со своей матерью и другими взрослыми была на колхозном поле. Мы собирали картошку. Меня взрослые попросили, чтобы я сбегала им за водой. И вдруг в небе мы увидели немецкие самолеты. Женщины подхватились и побежали в сад Бардыковых. Меня мать тоже схватила и потащила за собой. А мне было интересно посмотреть, как летят самолеты. Ведь я их никогда не видела.

Затем, к вечеру, по деревне уже шла немецкая техника, а за ней немецкие солдаты. Моя сестра, Ивченкова Мария Степановна (5 лет), ее брат Юра (3 года) и я стояли возле дома, и немец нас стал фотографировать. Мы испугались, думали, что он будет в нас стрелять, а он просто сфотографировал нас, сел, улыбаясь, в машину и поехал дальше.

Потом немцы стали заселяться в дома. В нашем доме они тоже поселились, а мы пошли жить во временку. Семья наша состояла из 5 человек: мать, отец, сестра, брат и я. Отца не взяли на фронт, потому что он был инвалидом еще после Финской войны. В нашем доме жил один немец, очень хорошо говорил по-русски. Так он позволял моей матери готовить для своей семьи. Бывало, наварит мать в доме на печи поесть и несет нам во временку.

В 1942-1943 гг. шли бои в районе Букани. Оттуда немцы приводили наших пленных и закрывали их в сарае. И этот же немец, который жил в нашем доме, нам разрешал осторожно подкармливать пленных. Один раз я попала на глаза финскому солдату, когда несла еду пленным. Он меня чуть не убил. Он начал стрелять, и я случайно упала в кусты, и он промахнулся.

Когда линия фронта проходила недалеко, нашу деревню сильно бомбили. Снаряды попадали в дома, где жили местные жители. Их тогда много погибло.

В 1943 году, когда немцы стали отходить, они начали звереть. Фашисты начали нас выгонять из домов и угонять в неволю».

Из воспоминаний Сергея Викторовича Чвоканова (уроженца д. Судимир)

«С начала октября 1941 по август 1943 года наша деревня находилась под временной оккупацией немецко-фашистских захватчиков. Это были самые мрачные времена. Появились виселицы, на которых вешали тех, кто не пожелал мириться с новым порядком. Жить с каждым днем становилось не только трудно, но и опасно.

5 августа 1943 года были освобождены города Орел и Белгород. К этому времени все население деревни Судимир разными путями сумело укрыться в окрестных лесах. Немцы уже стали выгонять всех жителей района из своих поселений и направлять в пересыльный лагерь Улемля, а дальше в концлагеря Белоруссии, Прибалтики, Польши и Германии. Деревни сжигали.

На 333-м разъезде я, братья Григорий и Николай Маклачковы, а также группа моих друзей ушли вглубь леса и облюбовали небольшой островок среди труднопроходимого болота. Одна женщина решила пойти в деревню посмотреть, что и как там. Переходя через железную дорогу, ее задержала немецкая охрана. Так они узнали о жителях, спрятавшихся в лесу. Немцы выгнали из леса всех, кого нашли и отправили в Улемльский лагерь (сборный пункт). Моя семья и еще несколько семей остались в лесу. Так прошло две недели. Затем в лес пришла группа военных, которые приказали собраться в одном месте. Один офицер в форме пограничника достал из полевой сумки списки, и всех, кто был причастен к сотрудничеству с немецкими властями, забрали под охрану и отправили в неизвестном направлении. А оставшимся сказали, что они свободны и могут идти в деревню. Радости было очень много, мы были счастливы, что пришел день освобождения».

Из воспоминаний Шведова Сергея Васильевича (жителя с. Огорь)

«Мне рассказывала мать, что у нас в селе Огорь стояла высокая, красивая церковь. Батюшка, служивший в этой церкви, помогал партизанам, немцы его расстреляли, а жители села похоронили его на местном кладбище. Саму церковь немцы не могли взорвать целый месяц, такая она была крепкая. Тогда они стали взрывать частями, начиная с колокольни. В войну церковь служила ориентиром лётчикам, а с колокольни были видны все укрепления немцев.

После войны местные жители на развалинах церкви собирали кирпич и плитку, из которых делали печки. В 1971 году на ее развалинах построили Дом культуры».

